

The Ukrainian Southern Bessarabia Dialects of Artsyz District Odessa Region

Andrij Kolesnykov¹

Abstract: The article deals with the dialects of the newest formation spread between the Danube and the Dniester rivers, which dominate on this territory exactly in Artsyz district. These dialects have not been characterized on the previous stage of investigation (in 60-th of XX century), because they are a rather difficult object for traditional dialectology. Due to a new methodology which takes into consideration transformed for resettlement dialects renewed research procedures, the author had succeed in illustrating and classifying them.

Keywords: a resettlement dialect; area between the Danube and the Dniester rivers; dialectal feature; the Ukrainian dialects

Специфику українських говорів междуреччя Дністра і Дуная (далеє МДД), які домінують в ареалі середі говорів інших мов (російського, румунського, болгарського і др.), визначає їх переважно новожильчеський характер – вони почали активно формуватися в кінці XVIII – в началі XIX століть в результаті стихійної і державної колонізації після 1812 року. Тут слід уточнити, що переважно переселенцескими є мови інших мов цього полілінгвального регіону, а також, що на діалект українських переселенців могли впливати більш давня слов'янська (VIII – X вв.) підоснова (уличей і тиверців) (см. «Повість відомих років») і, безумовно, мови попередніх хвиль переселення українців, в частині тієї, яка відбулася після знищення Запорозької Січі і поразки військ Івана Мазепи під Полтавою в 1709 р. в результаті втечі запорожців від переслідування російської влади під захистом Османської імперії.

В результаті цих процесів сформувалися мешані і моногенетичні українські південнобессарабські мови, які були об'єктом дослідження лінгвістів з середини XX століття. Значительний внесок в їх дослідження внесли В.П. Дроздовський, А.М. Муқан, Т.П. Заворотная, П.Е. Гриценко. Пізніше їх досліджували М.С. Делюсто (*Delyusto*, 2010; 2016), Е.А. Мірошніченко, Е.А. Даки і др. Увага вчених було направлено в основному на різні

¹ Grand PhD in Philological Sciences, Associate Professor, Izmail State University of Humanities, Ukraine, Address: Repina St, 12, Izmail, Odessa Region, Ukraine, 68601, Tel.: +38 (04841)51388, Corresponding author: akolesnykov2015@ukr.net.

структурные уровни доминирующих в ареале мешаных говоров, т.е. те, которые образовались в результате смешения в одном говоре разнородных генетических диалектных составляющих украинского языка по юго-восточному типу с сохранением значительного количества юго-западных диалектных черт и определяются как соответствующий переходный диалектный тип (ср. *Mukan*, 1960; *Drozdovskij*, 1962; *AUL*, 2001). Менее многочисленные, но не менее интересные моногенетические говоры – те, которые сохранили диалектный тип материнского диалекта, – привлекли исследовательские взгляды В.П. Дроздовского (*Drozdovskij*, 1962) и П.Е. Гриценко (*Hrytsenko*, 1984). Наше внимание на генетическую основу южнобессарабских украинских говоров, их динамику во времени, влияние на нее сложной социолингвистической ситуации, разнообразных языковых контактов, на задачу классификации говоров ареала обратил именно П.Е. Гриценко. Результат решения поставленных заданий представлен в описательной (*Kolesnykov*, 2015) и лингвогеографической (*Kolesnykov*, 2016) формах. Наглядно о некоторых основных итогах проведенной работы информирует обобщающая карта (см. «Класифікаційна карта українських говірок МДД»).

Однако и в наших предыдущих работах лишь намечено исследование того типа украинских говоров ареала (микроареал № 4), которые почти не были представлены в исследованиях XX века в связи с незавершенностью в них диалектотворческого процесса. Напр., В.П. Дроздовский писал: «Дозаселение районов исследуемых говоров продолжается и сейчас. С 1944 г. наблюдается наплыв поселенцев в бывшие немецкие колонии (сс. Малоярославец Первый, Малоярославец Второй, Тарутинского района, Вишняки и Мирнополье, Арцизского района, и др.)» (*Drozdovskij*, 1961, р. 133). Мы назвали эти микросистемы говорами более новой / новейшей¹ формации, противопоставив их говорам основной формации (начала XIX века). Основу этих ЧДС составляют украинские говоры Арцизского района, кроме говора с. Камянского, но не ограничиваются им. Они возникли вследствие очередной мощной волны миграции украинцев в Южную Бессарабию после выселения отсюда в 1940 г. бессарабских немцев. По данным сельсоветов и диалектоносителей, переселенцами этой волны в МДД стали жители Львовщины, Закарпатья, Баната (Румыния), Волыни, Северной Буковины, Кировоградщины, Одесщины и др. С родной территории (из уст волынян – з *Укра'їни*) в опустевшие немецкие дома они переезжали по разным причинам (были переселения добровольные и с разной степенью насильственности), но, прежде всего, в связи с наличием здесь жилья и работы. Некоторые мигранты

¹ Эту терминологию в дальнейшем, наверное, следует откорректировать, приняв цифровую нумерацию соответствующих волн миграции, поскольку конфликт на востоке Украины привел к появлению в Южной Бессарабии новых переселенцев, говоры которых и следует теперь называть говорами новейшей формации.

не прижились в Бессарабии и потом вернулись назад (в Закарпатье, Волынь и др.), но многие и остались. Их говоры и стали диалектной основой большинства украинских ЧДС МДД более новой формации.

Эти говоры выделяются в ареале не только по времени формирования, но и по специфике динамики во времени (они более динамичны по сравнению с говорами основной формации, но, в то же время, динамичность ЧДС внутри группы неодинакова). Генетически они, как и говоры основной формации, разнотипны (есть моногенетические и полигенетические), однако, в отличие от говоров основной формации, в полигенетических говорах еще реально выявление генетической доминанты. Считаем, что необходимость изучения данного типа ЧДС связана с достижением полноты исследования украинских диалектов, выявлением и изучением новых диалектных явлений, задачей обогащения языковедческих исследовательских процедур, углублением знаний о языковых/диалектных контактах, необходимостью выработки рекомендаций касательно языковой политики Украины для сохранения естественных ареалов функционирования украинского языка в полиязычных регионах страны. Украинские говоры МДД более новой формации требуют новых подходов в отношении сбора диалектного материала, его анализа и интерпретации. Ближайшими задачами в этом направлении являются составление перечня говоров этого типа, описание каждой отдельной ЧДС, их классификация.

Итак, большинство южнобессарабских украинских говоров более новой формации находится в Арцизском районе. Это говоры г. Арциз (Arzis, Peterwunsch), сс. Долиновка (Gnadental), Веселый Кут (Alecksüßwerth, Paris), Вишняки (Neu-Arzis), Мирнополе (Friedenstal), Надеждовка (Hoffnungsfeld, Hoffnungstal), Новоселовка (Neu-Elft, Fere-Champenoise II), Плоцк (Plotzk), Прямобалка (Dennewitz), Садовое (Alt-Elft, Fere-Champenoise I), Теплица (Teplitz). Есть такие говоры и в других районах Бессарабии, в частности, в Тарутинском: пгт. Тарутино (Tarutino), пгт. Бородино (Borodino), пгт. Березино (Beresina), сс. Веселая Долина (Klöstitz), Малоярославец Второй (Alt-Posttal), Малоярославец Первый (Wittenberg), Лужанка (Katzbach), Плачинда (Josefsdorf), Новое Тарутино (Neu-Tarutino); в Татарбунарском: сс. Маразлиевка (Maraslienfeld), Базарьянка (Basyriamka), в Саратском р-не: пгт. Сарата, сс. Светлодолинское (Lichtental), Розовка (Rosenfeld), Надежда (Eigenfeld), Благодатное (Gnadenfeld); в Белгород-Днестровском: сс. Софиевка (Sofiental), Семеновка (Seimeny), Долиновка (Neu-Posttal), Романовка (Romanowka), Шабо¹, в Килийском: с. Помазаны (Pomasan).

На специфике говоров сказался характер переселения. Кроме отмеченной типичной модели заселения украинцев из других регионов Украины и других

¹ Этот говор сформировался на базе бывшей Швейцарской колонии.

районов Одесской области, что доминировало в сс. Мирнополе, Новоселовка, Плоцк, Семеновка и др., довольно распространенными были случаи, когда говоры формировались преимущественно из жителей соседних с немецкой колонией сел. Так, в Надежду в свое время переселилось много жителей соседних сс. Молодово и Негрово, в Помазаны – из с. Шевченково и т.д.

Не мог не отразиться на говорах и локальный характер социолингвистической ситуации. С одной стороны, есть говоры с доминированием украинской составляющей (Новоселовка, Прямобалка, Маразлиевка и др.), с другой, говоры, где в пределах населенного пункта украинцы оказываются в меньшинстве – среди болгар, русских, молдаван (Надеждовка, Тарутино, Благодатное и др.)

Естественно, влияет и более широкий локус социолингвистической ситуации. Тут как раз наше внимание и привлекает Арцизский район, где доминируют именно украинские говоры более новой формации, и почти отсутствуют говоры основной формации – в этом – определенная однородность рассматриваемого микроареала.

Большинство украинских говоров Арцизского района отличается тем, что развиваются по своему, отличному от остальных говоров МДД основной формации, диалектному типу – немало диалектных явлений отличает их от типичных южнобессарабских мешаных говоров. На многих из них немного больше отражается влияние литературного стандарта, они более динамичны и подвержены стремительной редукции, однако, среди них есть и более стойкие говоры (Мирнополе, Новоселовка, Прямобалка). Есть говоры полигенетические (Арциз, Веселый Кут, Надеждовка), а есть и с признаками моногенеза или те, в которых выделяются генетические доминанты (Новоселовка – западнополесская основа; Прямобалка – закарпатский и западнополесский тип), хоть в целом в микроареале наблюдаем превалирование западнополесского типа.

С точки зрения намеченной классификации, довольно репрезентативными являются говоры сс. Новоселовка и Надеждовка, которые дополнительно были обследованы в 2016-2018 гг. в пределах научного проекта Измаильского государственного гуманитарного университета «Описание и картографирование междуречья Днестра и Дуная – новой европейской модели бесконфликтного взаимодействия разносистемных языков и диалектов» (НГР № 0116U004158) под нашим руководством студентами М. Парпуланской и Е. Дворочук, последняя, кстати, является диалектоносителем. Повторное обследование дало возможность убедиться в специфике говоров данного типа, апробировать инновационные исследовательские процедуры, уточнить и дополнить диалектные черты, установленные для них ранее.

Украинский говор с. Новоселовка сохраняет диалектную западнополесскую доминанту, тяготея к моногенетическим. Большинство переселенцев называют себя волынянами. Они переехали из сс. Заячивка, Черемошно Ковельского района, Стобыхва Камень-Каширского района, Бережница и Бильница Маневичского района Волынской области, контактирующих и на материнской территории.

Среди говоров северного наречия западнополесский говор отличается преимуществом на морфологическом уровне юго-западных черт. Заметив доминирование данной материнской основы в некоторых говорах Арцизского р-на, выявили такие черты говора с. Новоселовка: Д.п. существительных II и IV склонения с флексией *-ови* (*синови*, *братови*, *тел'ови*); распространенность форм прилагательных И.п. ед.ч. ср.р. с нестяженными флексиями *-ейе* – для мягкой группы, *-ейе* / *-ойе* – для твердой (*веселейе*, *добрейе*) и И.п. ед.ч. ж.р. с окончанием *-айа* (*добрайа*, *веселайа*); есть и формы, отражающие индукцию твердой группы типа *сине*, *сина*; наличие форм И.п. мн.ч. с флексией *-и* (*дерев'яни*, *го'лодни*), которые варьируются с нестяженными формами с окончаниями *-ийи* (*добр'ийи*, *весел'ийи*) и *-ейе* (*старейе* л'уди); формы Р.п. ед.ч. ж.р. с окончанием *-ейи* (*до старейи* бабу); нестяженные формы В.п. ед.ч. ж.р. с флексией *-уйу* (*молодуйу*); формы Д.п. мн.ч. мягкой группы прилагательных с последствиями индукции твердой (*синим*); формы Т.п. ед.ч. ж.р. (*молодейу*); вариантность реализаций числительного *чо'тири*, *ш'тири*; специфические формы Т.п. числительных (*двой'ма*, *п'ят'ми*); местоимение *вона* в Р.п. использует притяжательную форму (*нейин дв'ір* – *її двір*); Д.п. этого местоимения имеет форму *її'ю* (*її'ю с'ім рок'ів*); присутствуют нестяженные формы местоимения *той* (*тойе*, *тайа*, *отайа*, *т'їейи*, *от'їийи*) и стяженная форма Т.п. ед.ч. ж.р. *тейу*; нестяженные формы местоимения *цей* (*цейе*, *ц'ойе*, *ц'айа*, *ц'уйу*, *ц'ийи*) и специфическая форма Пр.п. ед.ч. ж.р. (*в ц'ой*); фиксируем формы Р.п. ед.ч. ж.р. *мейи*, *твейи*, *свейи*, варианты к нестяженным *мо'йейи*, *тво'йейи*, *сво'йейи*; превалируют глагольные формы с чередованием согласных основы и ударением на флексии (*хо'жу* і *хо'джу*, *кру'чу*, *но'шу*), а не *ход'у*, *крут'у*, *нос'у*, как в говорах МДД основной формации; глагольные формы повелительного наклонения с флексией *-ите* (*роб'ите*); присутствует градационное наречие *вел'ми*; наречия, образованные конфиксом *по-...-у* на месте литературного *по-...-и* (*по-полску*, *по-руску*). При повторном обследовании установлены важные ареально релевантные черты говора и на других языковых уровнях, подтверждающие установленный генезис: инфинитив, сохраняя черты материнских говоров, образуется с помощью форманта *-ти* (*ко'пати*, *роб'ити*), в то время как во всем юго-восточном наречии, и в ареале, доминируют формы на *-ть* (*ко'пат'*, *роб'ит'*). Довольно регулярной и стойкой чертой оказался ласкательный суффикс прилагательных *-ейк-* (*ле'гейкий*, *ма'лейкий*, *то'нейкий*). Некоторые

сохраненные черты материнского диалекта совпали с типичными и для южнобессарабских украинских говоров особенностями: безударный звук *e* приближается к *и* (*си^дло, ми^н'і*); безударный звук *o* переходит в *у* (*зудина, в кун^ц'і*); в значении 'потому что' распространены формы *за^{то}шо, то^{го}шо, то^{шо}*.

Из лексических особенностей студент и диалектоноситель обращает внимание на заимствования из болгарского языка (*ша^дра, манджа, м'іл'іна*), из русского (*м'амл'а, кол^хос, предси^дател'*), в том числе на уровне словообразования (*бабушка, палочка*), из румынского (*т'аски, пла^ч'інда*), из немецкого (*шт^рудл'і*).

Поиск ареально релевантных диалектных черт в опоре не только на дифференциальные черты материнского говора, выявленные в старожильческом ареале, а на системный подход к нему, также подтверждают мысль о необходимости коррекции методов и приемов исследования, ведь опираясь на понимание говора как самодостаточной коммуникативной системы, взяв за основу системный подход с поиском не только дифференциальных по отношению к другим диалектам и литературному языку черт, но и черт, общих с этими идиомами, и описание с опорой на тексты позволили значительно расширить сведения о говоре и данном типе говоров вообще, уточнить список дифференциальных диалектных черт украинского языка. Так, ряд дифференциальных для материнских говоров черт в новом ареале функционирования совпали с доминантными тут диалектными чертами (свойственными мешаным говорам основной формации), или интегрирующими чертами. Например, такими являются употребление вставного *н* (*мн'асо, памн'ат'*), приближение [*e*] к [*и*] (*си^дло, ми^дні*). С другой стороны, некоторые черты, не выявляющие релевантности в материнском ареале, более того, совпадающие с литературным стандартом, в новых условиях бытования, сохраняясь, маркируют диалектную специфику говора, поскольку не свойственны контактирующим говорам МДД, например, такими являются сохранение глагольных форм с чередованием согласных основы (*во^джу, кру^чу* и др.), сохранение лексемы *кол^д'аз'*, в то время как практически во всех говорах ареала *кир^ниц'а*, значительно чаще встречающееся чередование вследствие II палатализации в основах существительных (*в ру^ц'і, жі^н'і*) и т.д.

Расширяет сведения о диалектной специфике говора и ареала и внимание к так называемым нулевым диалектным чертам. Так, в течение своего функционирования в ареале говорящие не заимствовали интегрирующую для всех украинских (а также русских, болгарских, румынских) говоров основной формации частицу *мей*, используемую для обращения или привлечения внимания. Отсутствие этой частицы (нулевой диалектизм) довольно четко маркирует носителей анализируемого говора в диалектном окружении. С

другой стороны, как яркая нулевая диалектная черта мешаных украинских говоров МДД было выделено отсутствие союза *але* и в связи с этим зафиксирован микроэтноним для номинации приезжих – *а^леишники*. Однако носители говора употребляют этот союз без ограничений.

Немало диалектных и динамических черт сближает этот говор с другими говорами более новой формации, в частности, имеющими генетическую общность. В то же время говор движется в направлении сближения с южнобессарабским типом и изменяется под влиянием полиязычного окружения. Но все же за 60 лет своего бытования в ареале говор до сих пор сохраняет материнские черты и не приобрел многих интегрирующих черт, свойственных мешаным южнобессарабским говорам.

Украинский говор с. Надеждовка Арцизского района Одесской области – иной. Он значительно более нестойкий, функционирует в локальной полиязычной среде. В Надеждовке можно найти представителей 11 национальностей. Украинский язык тут является родным для 16,7% жителей, русский – для 72,5%, болгарский – для 6,7%, гагаузский – для 2,5%, румынский – для 1,4%. Переселение происходило в 40-50 гг. из сел МДД и из Западной Украины: Хмельницкой, Винницкой, Закарпатской областей. Многие прибыли из России и Молдовы. Переселение было генетически крайне дисперсным, единичным, поэтому доминантной диалектной основы в говоре не наблюдаем. Говор развивается по сценарию полигенетической, мешаной ЧДС. Диалектное окружение говора также неоднородно: вблизи Надеждовки расположены болгарские (Виноградовка, Дмитриевка), украинско-молдавские (Камянское), украинско-русские (Спасское) села.

Наблюдение над речью жителей позволило выявить в говоре подольскую, волынскую, степную и др. диалектные основы. Зафиксирован ряд маркеров генетических составляющих говора, коррелирующих с происхождением диалектоносителей, в речи которых они зафиксированы. Например, маркерами подольского типа тут можно считать частицу *май* (*май н'і'кого вже не'маіе*); апокопу *ка* '*каже*' (*ка, май ру'ка бо'лит', то тут за'терпло, ка, 'пал'ц'ами 'робл'у, а ру'ка бо'лит'*); фонетическую форму числительного *один* – *і'ден* (*і'ден чоло'в'ік з 'В'інниц'коїі 'облас'т'і, а і'ден з Івано-Фран'ківс'коїі*); форму В.п. ед.ч. ж.р. местоимения; *він* (*за н'у*); твердый финальный [ц] (*три х'лопца*); твердый [р] перед гласными (*трох'разове, трох в'нук'іу, С'і'рожа, виног'радаром*); морфологическая форма местоимения *цей* в Р.п. ед.ч. ж.р. (*до 'цейі по'ри*) и др. Волынский тип, вероятно, маркируют такие явления: апокопа *мо* '*може*' (*мо во'на нас об'і'жайе*); морфологическая форма местоимения *свій* в Р.п. ед.ч. ж.р. (*до с'вейі*); усечение финального согласного в слове *зараз* (*'зара*). У диалектоносителей, чья семья родом из Закарпатья, также наблюдаются отдельные сохраненные генетические черты: переход [м] в [у] в звукосочетании *-вн-* (*не 'по'ун'у*). Перечисленные черты утрачивают свою

четкую генетическую маркированность, указывая на широкую (юго-западную), а может и шире (не юго-восточную), диалектную основу. К таким (юго-западным) чертам, безусловно, следует относить трансформацию [xв] в [ф] (*ме'не ше не фа'тало*) и некоторые другие.

Распространены в говоре и интегрирующие черты ареала, маркирующие контактные южнобессарабские (и другие западностепные и степные) мешанные украинские говоры и свидетельствующие (в речи выходцев из Западной Украины) о динамике говора. У отдельных жителей эти черты являются маркером соответствующей генетической основы, например: нивеляция последствий второй палатализации – чередований *г, к, х // з', ц', с'*, особенно *к // ц'* (*на 'бабк'і же'нивс'а, ро'дивс'а в 'Ламбровк'і, 'жила в З'ел'оной 'Балк'е*); отсутствие чередования в основах глагольных форм I лица ед.ч. (*'нос'у, 'мус'у*); утрата чередований *г, к, х // ж, ч, ш* при образовании притяжательных прилагательных (*с'вахин, 'дочк'ін, св'ек'рух'ін*); распространенность форм 3 лица ед.ч. глаголов II спряжения с флексией *-е* (*дз'воне, 'робе, при'ходе*); утрата дифференциации в падежных окончаниях по твердому и мягкому типу существительных I и II склонения с индукцией твердого типа на мягкий (*восп'ітатил'ом, секретар'ом, виног'радаром, 'вол'оіу, ду'шоіу*); специфические формы без начального [н] местоимения *він* в постпредложной позиции (*з 'його, на 'його, до 'його*); активизация компонента *'самий* при образовании превосходной степени сравнения прилагательных (*'сам'і ха'рош'і*); префикс *од-* на месте литературного *від-* (*одве'зи*); активность сочетания *коло + Р.п.* с локативным значением (*'коло 'мене, 'коло 'двору, 'коло ха'з'айства*); употребление числительного *'первий* вместе с литературным *'перший* (*'перве 'м'ісце, 'первий год*); использование союза *чім*, что соответствует литературному *ніж* (*бо 'жити 'легше чу'чут' / ч'ім там на бур'а'ку ро'бити / з'найеш йак*); в результате индукции формы Р.п. местоименная форма Д.п. *ій* была заменена формой *їй/її* (*'дати їй/її*); лексикализованные явления замены [и] на [і] (*в 'інза'вод, на 'з'іму, кра'с'іво*), а также [і] на [о] (*в од'ной 'хат'і, зо м'ноіу, доіш'ла да'лечко*), в которых усматривали влияние русского языка; вместо *працювати* часто употребляется и глагол *ро'бити*; отрицательное наречие *н'іде* зафиксировано в интегральной для ареала архаической фонетической форме: *н'іг'де* и др. Привлекают внимание и другие черты говора: выбор беспредложных форм Т.п. временного значения и значения средства передвижения (*д'ев'чонкоіу при'їхала, ма'шиноіу пере'кину'ї*); особые падежные формы местоимения *цей* (Пр.п. *на ц'ом*, Р.п. ж.р. *до 'цейі по'ри*); специфические словообразовательные модели местоименных наречий (*ту'то, оту'то, о'тут, 'туда*), форма Пр.п. местоимения *який* (*на йа'ком*); употребление наречия *по'том* вместо *потім*, фонетических форм *с'к'іки, 'т'іки* вместо *скільки, тільки*; *'с'одн'і* вместо *сьогодні*; усечение конечных звуков лексем: *бачиш* (*бач*), *їй-богу* (*їй-бо*); вместо глагольного префикса *по-* со значением отдаления употребляется

префикс у- (*у'їїхала*). Наблюдается ряд других лексикализованных фонетико-морфорогических явлений: *з'разу* (*одразу, відразу*); *нага'даю* (*згадаю*) и др. Замечено и уникальное индивидуальное грамматическое поведение имен собственных. Так, название села *Спаське* имеет отличный от литературного стандарта род и тип склонения: *С'паска* (И.п.), *в С'паск'ї* (Пр.п.), *в С'паску* (В.п.). Не могут остаться незамеченными наблюдателем множественные лексические заимствования из русского языка: *ос'талис'а*, *в'д'етскому са'ду*, *обще'жит'їе*, *'м'есний*, *все в'ремиа*, *воб'ше*, *інт'ер'е'суйе*, *'нада*, *ражд'е'на*, *ста'лова*, *в бол'н'їц'ї*, *а'т'ец*, *ка'н'ешно*, *сов'хоз*, *п'їс'мо*, *'їесл'ї*, *ков'їор*, *'майеш в'їду*, *н'ет*, *ст'їрал'на*, *аф'ган'ец*, *н'ем'ношко*, *с'вад'ба*, *перес'ел'енч'ес'к'ї до'ма*, *стройбри'гада*, *пош'ч'ї*, *на'русскому їази'ку*, *руково'д'їт'ел'ї за'бот'ат'с'а*, *'род'їна*, *за'бори*, *посчи'тай* и др.

Наличие интегрирующих для ареала и других юго-восточных черт в речи тех представителей говора, чье происхождение относится к юго-западному ареалу распространения украинского языка свидетельствует о сильном влиянии на украинский говор с. Надеждовка именно южнобессарабского диалектного типа. Говор развивается по сценарию мешаного и редуکتивного типа, когда материнские черты постепенно, но уверенно, нивелируются. Сохраняясь, диалектные маркеры обычно трансформируются, черты отмеченных материнских типов начинают восприниматься менее локализовано – как черты юго-западного наречия вообще, как не местные (не бессарабские) черты¹.

С точки зрения такой трансформации очень интересно себя проявляют диалектные черты, общие с литературным языком, но отличные от типичных черт говоров ареала основной формации, как позитивные, так и нулевые. Например, в говорах ареала распространены слова *'первий*, *вто'рий*, *жизн'*, *ро'бити*, а в анализируемом говоре все же часто встречается *'перий*, *д'ругий*, *жи'т'а*, *прац'увати*. Это позитивные, материально выраженные противопоставления. С другой стороны, в контактирующих говорах южнобессарабского типа нулевой диалектной чертой является отсутствие союза *але*, однако в говоре с. Надеждовка этот союз в речи отдельных диалектоносителей употребляется и не считается чужеродным элементом. В этом говор сходен с другими украинскими ЧДС ареала более новой формации. Отличает же анализируемый говор от других, более стойких, говоров данного типа проникновение ряда ареальных интегралов, что свидетельствует о его мешаном и редуکتивном характере, в частности тех черт, которые были оценены для говоров более новой формации как нулевые черты на фоне ареально распространенных материально выраженных. Такой чертой является интегрирующая частица *мей*, которая проникла в исследуемый говор, но не

¹ Практика сбора диалектного материала убеждает в том, что жители полиязычных и полидиалектных регионов обостренно чувствуют языковые особенности.

вошла в другие говоры более новой формации, в частности те, которые имеют диалектную доминанту, например, говор с. Новоселовка.

На говор с. Надеждовка сравнительно большее влияние, хоть и тоже на лексическом уровне, оказывают контактирующие языки. Кроме заимствований из русского языка, свойственных и другим генетическим и динамическим типам говоров ареала: названий месяцев (*март*, *ап'р'ел'*), этикетной лексики (*зд'растуйте*, *досв'ідан'а*, *спа'с'іба*, *благода'ру*), лексем советского периода (*дос'ка по'ч'ота*, *кол'хоз*, *сов'хоз*, *пр'едс'е'дат'ел'*), случаются и другие (*п'т'ічн'к*, *п'разн'ік*, *й'олка*, *водка* и т.д.), среди них отдельную группу представляют наименования родственников (*ро'д'іт'ел'і*, *а'т'еці*, *мат'*, *муж*). В речи отдельных респондентов, даже рожденных на территории материнского говора, наблюдается немало заимствованных элементов, в частности и русизмов (*ета*, *й'есл'і*, *н'ет*, *но*, *с'уда*), заимствований из болгарского языка (инвектива *бах* *мама*), и румынского (частица *мей*). Последняя, как интегрирующая черта, проникла скорее через контактирующие говоры украинского, русского, румынского, болгарского языков, а частица *май* маркирует речь некоторых диалектоносителей родом из Западной Украины. Немало заимствований связано с названием блюд: *лан'г'ічк'і*, *м'іл'іна*, *баур*, *кур'бан* (блюда болгарской кухни); *пла'ч'інди*, *мама'лига*, *в'ер'тута* (из молдавской кухни); *ок'рошка*, *сол'он'і о'гурчики*, *ор'ех* заимствованы, очевидно, из русского языка.

Итак, исследование говоры более новой формации – задача непростая. Незавершенность диалектотворческого процесса¹ ее усложняет. Однако, наблюдение над такими говорами позволяет ответить на вопросы, как образуются переселенческие говоры, почему одни генетические черты в них остаются, а другие исчезают, одни заимствуются, а другие – нет? Наблюдения над говорами более новой формации, поиск в них ареально релевантных черт, подтверждают необходимость принятия новых методологических установок в диалектологии, особо актуальных для новожильческих и полилингвальных ареалов, в частности таких, как широкое использование социолингвистических данных и методов; установка на полноту описания говоры; использование не только дифференциального подхода в анализе диалектных черт, но и учет явлений, общих для литературного языка и других диалектов (в новых условиях существования говора даже общие с литературным языком черты могут трансформироваться в ареально релевантные); внимание к нулевым диалектным чертам; совместное использования вопросников и наблюдений над диалектными текстами.

¹ Термин, хоть и устоявшийся, но не совсем точный, ведь диалектотворческий процесс никогда не завершается. Под ним следует понимать, очевидно, завершенность процесса формирования единого монолитного говора. Однако и такой говор существует как множество различных идиолектов и социолектов.

References

- AUL, (1984-2001). *Atlas of the Ukrainian language / Атлас української мови*. Київ: Наукова думка.
- Delyusto, M. (2010). *The grammar of a dialect on the basis of dialectal text / Граматика говірки у світлі тексту / Київ*. 235 с.
- Delyusto, M. (2016) *The principles of questionnaire for "Multi-lingual atlas of dialects spread between the Danube and the Dniester rivers" / Засади укладання питальника до «Мультилінгвального атласу межиріччя Дністра і Дунаю» / Сучасні проблеми мовознавства та літературознавства / Modern problems of linguistics and literature. Випуск 21. Ужгород. С. 73–77.*
- Drozdovskij, V. (1961). *The Ukrainian Southern-Bessarabia dialects / Південнобессарабські українські говірки / The works of the 10-th republic dialectal summit / Праці X республіканської діалектологічної наради / Київ*. Р. 132–155.
- Drozdovskij, V. (1962). *The Ukrainian dialects of the Bessarabia Seaside / Украинские говоры Бессарабского Приморья*. Киев. 27 с.
- Hrytsenko, P. (1984). *Modeling of system of dialectal vocabulary / Моделювання системи діалектної лексики*. К.: Наукова думка. 228 с.
- Kolesnykov, A. (2015) *The morphology of Ukrainian South-Bessarabia dialects: origin and dynamics / Морфологія українських південнобессарабських говірок: генеза і динаміка*. Ізмаїл: СМІЛ. 676 с.
- Kolesnykov, A. (2016) *Atlas of the Ukrainian dialects spread between the Danube and the Dniester rivers / Атлас українських говірок межиріччя Дністра і Дунаю*. Ізмаїл: ІРБІС. 168 с.
- Mikan, A. (1960) *The Ukrainian Higher Danube dialects. Phonetic and grammatical peculiarities / Українські наддунайські говірки. Фонетико-морфологічні особливості*. Глухів. 291 с.

